

"Мемуары неуданика"

С В Ш

18+

С Ш

Мемуары неудачника

<https://litres.ru/73965689>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эдик Зайцев — хронический неудачник. Он верит людям, которые его кидают, влюбляется в тех, кто предаёт, и лезет в драки, которые не может выиграть. Он пытался стать крутым в 90-х, носил косуху, пил дешёвое пиво и разбивал кулаки о стены. Ничего не помогло. Потому что он — другой. Его топливо — не наглость и злость, а доброта, которую мир упорно принимает за слабость.

«Мемуары неудачника» — это история о том, как пройти от мальчика, который отпускает гусениц на волю, до мужчины, который учится отпускать обиды. Смешная, грустная и очень узнаваемая история о нас с вами.

Содержание

Я не неудачник. Я коллекционер.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

С Ш

Мемуары неудачника

Я не неудачник. Я коллекционер.

Предисловие.

Я не писатель. Я просто человек, который однажды решил рассказать историю. Историю о том, как трудно быть добрым, когда мир кричит: «Будь сильным, будь наглым, бери своё!»

Эдик Зайцев — это собирательный образ. В нём есть я, мои друзья, случайные попутчики, которых я встречал. Он постоянно падает, ошибается, верит не тем людям. Но он никогда не предаёт себя.

Эта книга — памятник всем, кто падал и вставал. Мы с вами, Эдик и я, рады, что вы здесь.

Содержание:

Глава 1.

Гусеница по имени Надежда.

Глава 2.

Косуха не по размеру.

Глава 3.

Бой с тенью, или терапия кулаками.

Глава 4.

Искусство падать лицом в грязь и видеть в этом знаки.

Глава 5.

Тридцать свечей и одна петля.

Глава 6.

Плешь и просветление.

Глава 7.

Сороковая весна.

Эпилог.

Глава 1.

Моя первая любовь была зелёной и жила в банке.

Мне было семь лет, и я точно знал, что муравьи бросить не могут. Они сбиваются с тропы, теряются и им нужен кто-то, кто укажет путь домой.

Именно таким ребёнком я и был. А потом учительница предложила нам вырастить бабочку. С этого всё и началось.

Гусеница по имени Надежда.

Наш герой, Эдик Зайцев, в семь лет был существом удивительной душевной организации. Если другие мальчишки во дворе швырялись песком и играли в войнушку, Эдик сидел на корточках у муравейника и наблюдал. Он давал муравьям имена и очень переживал, если кто-то сбивался с тропы, унося хвоинку не в ту сторону.

Конечно, он любил природу. До дрожи, до слёз. Его ком-

ната была заставлена банками с ветками и камнями, а на подоконнике лежала энциклопедия «Флора и фауна средней полосы», зачитанная до дыр.

Эксперимент

Всё началось в конце мая. На уроке «Окружающего мира» учительница, добрая и рассеянная Антонина Павловна, предложила эксперимент:

— Дети, давайте вырастим бабочку! Каждый принесёт свою гусеницу, и мы будем наблюдать за чудом превращения.

Класс загудел. Большинство детей восприняли это как повод посоревноваться, чья гусеница толще. Но Эдик замер. Его сердце забилось часто-часто. Чудо. Он будет причастен к чуду.

Весь вечер он ползал по кустам смородины на бабушкиной даче. Он искал особенную гусеницу. Не просто зелёную и пушистую, а такую, которая захочет с ним дружить.

Наконец, на ветке крыжовника он увидел её: изумрудную, с крошечными жёлтыми точками, похожими на звёзды. Она деловито жевала лист.

Эдик затаил дыхание.

— Привет, — прошептал он. — Я Эдик. Я буду о тебе заботиться. Хочешь, назову тебя Надеждой? Потому что ты станешь прекрасной бабочкой. Это моя надежда.

Гусеница, конечно, ничего не ответила, но дёрнула головой как-то очень осмысленно. Эдик принял это за согласие.

Идеальный дом

Он соорудил для Надежды идеальный дом в трёхлитровой банке: слой свежих листьев, веточка для лазания, марля с дырочками, чтобы она дышала. Он даже положил маленькую пробку от бутылки с водой — вдруг гусеница захочет пить. Банку он обклеил цветной бумагой и написал фломастером: «Дом Надежды. Просьба не шуметь!»

Первые дни всё шло идеально. Надежда активно ела и росла. Эдик носил банку с собой по квартире, читал ей вслух энциклопедию и защищал от любопытного кота Барсика.

Но его мнительность, его проклятая доброта, начала свою подрывную работу. Ночью он думал, что Надежде одиноко. Что в банке ей тесно и страшно. Что он, Эдик, — не заботливый друг, а тюремщик.

— Мам, — спросил он как-то утром, глядя, как Надежда вяло ползёт по ветке. — А вдруг ей грустно? Вдруг у неё там, на кусте, была семья? Или друзья-гусеницы? А я её похитил...

Мама, женщина практичная, вздохнула:

— Эдик, это гусеница. У неё нет семьи. У неё есть инстинкты. Не выдумывай.

Но Эдик выдумывал. Он видел в Надежде не насекомое,

а личность. Ему казалось, что она смотрит на него с укором своими крошечными чёрными глазками. «За что ты меня заточил, Эдик?» — будто спрашивала она.

Побег

Развязка наступила в пятницу. Антонина Павловна сказала, что в понедельник они устроят «День Гусениц» — выставку с рассказами. И тут Эдика накрыло волной стыда и паники.

Он представил, как другие дети будут хвастаться: «Моя толще!», «А моя уже почти окуклилась!». А он будет стоять с банкой, в которой сидит пленница по имени Надежда, которую он украл у природы. Это казалось ему чудовищным. Это было шоу, цирк, а не чудо.

В воскресенье вечером, когда мама ушла в магазин, Эдик принял Решение. Он вышел на балкон с банкой в руках. Сердце колотилось, как птица.

Он открыл крышку.

— Прости меня, Надежда, — прошептал он, чувствуя, как слёзы щиплют глаза. — Я не имею права держать тебя здесь. Лети... То есть, ползи. Будь свободной. И стань самой красивой бабочкой. Я буду помнить тебя всегда. Обещаю.

Он аккуратно положил веточку с гусеницей на перила балкона. Надежда, почуяв свежий воздух, замерла на секунду, а потом деловито поползла прочь. Она скрылась в зарослях

дикого винограда, оплетавшего балкон.

Эдик вздохнул с облегчением и... ужасом. Завтра в школу. Без гусеницы. Эксперимент провален. Антонина Павловна будет разочарована.

Способная гусеница

Утром в понедельник он плёлся в школу, как на казнь. В ранце вместо банки с Надеждой лежала только тяжесть его доброго поступка.

В классе уже кипела жизнь. Парты были уставлены банками, коробками, контейнерами. Гусеницы всех мастей и размеров шевелились, жевали, спали.

— Эдик, а где твоя? — спросила Антонина Павловна, поправляя очки.

Класс затих. Эдик встал, красный, как свёкла. Его мнительность дорисовывала картину: все смеются, учительница качает головой, ставят двойку, а Надежда на балконе, одинокая и брошенная.

— Она... — голос дрогнул. — Она улетела.

— Как это «улетела»? — удивилась учительница. — Она же ещё не бабочка!

— Она... она была очень способная, — честно соврал Эдик, и это была его первая в жизни ложь во спасение. — Она окуклилась ночью, а утром я увидел только пустой кокон. И бабочку на окне. Я открыл и выпустил. Она была...

лимонница. Кажется. Или капустаница. Очень красивая. Она помахала мне крылом.

В классе повисла тишина. Кто-то хихикнул, кто-то ахнул. Антонина Павловна внимательно посмотрела на Эдика. Она видела его насквозь — эту чистую, мнимую, добрую душу, неспособную на зло, но способную на красивую выдумку, чтобы никого не расстроить.

— Ну что ж, — мягко сказала она. — Значит, Эдик единственный, чей эксперимент завершился успехом и досрочно. Садись, пять.

Первая тайна

Это была его первая победа. Победа его доброты над логикой. Но Эдик, садясь за парту, вдруг понял страшную вещь. Он посмотрел в окно. Небо было ясным, майским. А где-то там, на балконе, ползала его Надежда, которую он теперь должен был всем описать как «прекрасную лимонницу».

Гусеница стала его первой тайной. И он поклялся себе, что больше никогда никого не будет запирает в банку. Даже во имя науки.

Он не знал тогда, что жизнь сама закроет его в этой банке десятки раз. И каждый раз он будет искать способ «выпустить» не только себя, но и всех вокруг. Но это будет потом.

А пока Эдик Зайцев, глядя в окно, впервые ощутил странное, горьковатое чувство: быть добрым и мнимым — это

как нести хрупкую раковину через толпу. Постоянно боишься, что кто-то её раздавит. Или что ты сам не удержишь.

Глава 2.

Зачем ботаник надевает кожу? Моя попытка выжить в 90-е.

Косуха не по размеру.

Я был молод и думал, что доброта — это баг, который нужно исправить. Мир вокруг менялся: вместо пионерских галстуков — малиновые пиджаки, вместо песен у костра — шансон. И я твёрдо решил стать «плохим».

С этого решения началась одна из самых позорных и важных стадий в моей жизни.

К концу девяностых от прежнего Эдика, который зачитывал гусеницам энциклопедию, внешне осталось мало. Природа больше не казалась ему тихой гаванью — она превратилась в джунгли, где выживает сильнейший. Это был закон района, который ему, мальчишке - ботанику, нужно было срочно выучить.

Городок лихорадило. На рынке, захваченном «коммерсами» в малиновых пиджаках, крутили шансон. В подвалах открывались рэкетирские «конторы». А в школе, на переменах, старшеклассники делились не домашним заданием, а тем, кто вчера «разгружал фуры» и сколько получил. Успех был простым и звериным: деньги, сила, наглость. Всё, чем Эдик не обладал.

Но его максимализм требовал немедленных действий. Если мир изменился, то и он должен измениться. Он, хронический оптимист, решил, что его душевная организация — это баг, который можно исправить обновлением. Нужно просто стать «крутым». Переписать себя, как пиратский диск с игрой.

Эксперимент «Альфа-самец»

Первый удар пришёлся по гардеробу. Эдик месяц копил деньги, отказывая себе в школьных обедах, и накопил на «бомбу» — чёрную кожаную косуху на местном вещевом рынке. Косуха была велика размеров на пять, пахла дешёвым дерматином и была сделана, кажется, из обувного картона, но в ней он чувствовал себя другим человеком. Опасным. Взрослым.

Проблема вылезла сразу. Зеркало в прихожей — старое, мутное, честное — отражало не brutального мачо, а перепуганного подростка, который одолжил куртку у старшего брата-десантника и боится, что брат вернётся и надаёт по шее. Его доброе лицо с мягкой улыбкой предательски не сочеталось с агрессивным воротником-стойкой. Взгляд, привыкший считывать настроение собеседника, из-под косой чёлки выглядел не дерзким, а тревожным, как у побитой собаки.

— Ты в этом на дискач собрался? — мама устало помещивала гречку на плите, даже не обернувшись. — Сними,

Эдик. Ты в ней на маньяка похож. Белого и пушистого.

— Мам, ты ничего не понимаешь! — вспыхнул он. — Сейчас по-другому нельзя! Сейчас схавают!

«Схавают» — было его новым словом. Он вычитал его в каком-то взрослом журнале. Оно должно было пугать окружающих, но пугало только его самого.

Максимализм и его жертвы

Второй фронт открылся в общении с девушками. Здесь его характер вступил в открытое противоречие с эпохой. Время требовало наглости. «Подошёл, схватил, увёл» — гласил негласный кодекс подворотни. Романтика умерла вместе с советскими песнями у костра. На смену ей пришли липкие жвачки «Love is...» и кассетные плееры, из которых доносился хриплый речитатив Децла про вечеринку.

Эдик же, влюбившись в одноклассницу Лену Кудрявцеву, разработал сложнейшую спецоперацию. Он подкараулил её после уроков во дворе, за гаражами. В косухе. Сердце стучало где-то в горле.

— Лена, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал низко и хрипло. — Короче... Я тут подумал... Ты это... Выглядишь на все сто. Может, замутим?

Он старался. Он вложил в это « замутим » всё своё понимание брутальности. Но проклятая застенчивость и мнимость сыграли злую шутку. Он не просто сказал это, он тут же, в

паузе, испугавшись своей наглости, добавил:

— ...Если ты не против. Если у тебя есть время и желание. Ну, или просто погуляем, я мороженым угощу. Или не обязательно мороженым. Чем хочешь. Тебе вообще не холодно? Ветер сильный...

Лена, которая поначалу даже испугалась, вдруг прыснула со смеху. В её глазах промелькнула искра жалости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.